

РАЗДЕЛ 2. ПОЛИТИЧЕСКАЯ КОММУНИКАЦИЯ

УДК 811.161.1'27
ББК Ш141.12-551.5

ГСНТИ 16.21.27

Код ВАК 10.02.01; 10.02.19

В. М. Амиров **V. M. Amirov**

Екатеринбург, Россия Ekaterinburg, Russia

НОВЫЕ ТЕНДЕНЦИИ В ОСВЕЩЕНИИ АКТОВ ТЕРРОРИЗМА РОССИЙСКИМИ ПЕЧАТНЫМИ СМИ

Аннотация. Исследуются некоторые аспекты освещения газетами террористических актов в России. Выявляются и описываются некоторые тенденции в изменениях редакционной позиции в отношении освещения терактов. Проводится сопоставительный анализ материалов качественных СМИ «Известия» и «Независимая газета», таблоидов «Комсомольская правда» и «Аргументы и факты» различных периодов.

Ключевые слова: террористический акт; СМИ; газеты; журналистика; позиция.

Сведения об авторе: Амиров Валерий Михайлович, кандидат филологических наук, доцент, доцент кафедры периодической печати.

Место работы: Уральский федеральный университет им. первого Президента России Б. Н. Ельцина (Екатеринбург).

Контактная информация: 620000, г. Екатеринбург, пр-т Ленина, 51.
e-mail: vestnik-va@mail.ru.

NEW TENDENCIES IN THE COVERAGE OF TERRORISM ACTS IN RUSSIAN PRINT MEDIA

Abstract. Some aspects of coverage of the acts of terrorism in Russian printed press are investigated. New tendencies in the changes of the editorial position come to light. For comparison the materials of quality mass media of “Izvestia” and “Nezavisimaya Gazeta”, tabloids “Komsomolskaya Pravda” and “Argumenty i facty” of various periods are used.

Key words: terrorism; mass media; newspapers; journalism; position.

About the author: Amirov Valery Mikhailovich, Candidate of Philology, Associate Professor, Associate Professor of the Chair of Periodicals.

Place of employment: Ural Federal University n. a. the first president of Russia B. N. Yeltsin (Ekaterinburg).

Сегодня вряд ли нужно доказывать кому-то важность четкой позиции средств массовой информации по такой общественно значимой проблеме, как борьба с терроризмом. Выступая на пресс-конференции в РИА «Новости», официальный представитель Национального антитеррористического комитета особо отметил, что «СМИ не просто информируют нас о происходящем, но и формулируют базовые определения, подсказывают выводы, задавая рамки толкования того или иного события» [Синцов 2013].

Разумеется, совершенно не случайно в этом смысле, что сами террористы непрерывно стремятся создавать информационные продукты, главная цель которых — «дестабилизация социально-политической или социально психологической обстановки в регионе и во всей стране» [Худовекова 2011: 52]. Случается, вольными или невольными распространителями таких продуктов становятся и СМИ, которые «нередко прибегают к публикациям с ярким описанием наиболее кровавых подробностей, чтобы напугать аудиторию и тем самым заставить людей быть более осторожными» [Доможиров 2012: 33]. Ряд исследователей и публицистов вообще устанавливают прямую связь между СМИ и терроризмом, полагая, что газеты и теле-

видение, немедленно и широко рассказывающие о терактах, помогают террористам реализовать свой замысел по запугиванию населения: «Современный терроризм и СМИ связаны между собой. Не будь такой власти вторых, не было бы в таких масштабах и первого» [Варламов 2011]. От позиции СМИ, от той или иной интерпретации события в публикации зависит то, становятся ли СМИ пособниками террористов, или, напротив, помогают обществу справиться с этим страшным злом: «Мы не можем жить без газет и телевидения, но эти средства могут быть пособниками террористов в создании неадекватного страха, а могут быть „анти-террористами“» [Кара-Мурза 2001: 2].

Иными словами, СМИ, рассказывая о теракте и мерах по борьбе с терроризмом, обязаны быть крайне осторожными и ответственными в выборе формулировок и логике подачи материалов.

Общая реакция российской прессы на террористические акты является довольно предсказуемой, однако с каждой новой трагедией СМИ предлагают в качестве повестки дня общественной дискуссии новые вопросы и демонстрируют новые оценочные нюансы, которые требуют осмысления. Кроме того, при анализе массивов публикаций, неизмен-

но следующих за очередным взрывом, можно увидеть определенные негативные тенденции, обозначающиеся в газетах, журналах и интернет-СМИ при освещении события. Эти тенденции особенно наглядно проявляются в нескольких аспектах: анализ причин, поиск врагов и виновных, прогноз дальнейшего развития событий.

Последние события в Волгограде, где за короткий промежуток времени произошли три террористических акта, продемонстрировали очередные подвижки в аналитическом осмыслении данной темы российскими журналистами. Попытаемся в результате сопоставления публикаций разных периодов с материалами октября и декабря 2013 г. выделить эти, представляющиеся оригинальными тенденции. Сделаем это на основе сравнительного анализа материалов газет, традиционно относимых к качественным, — «Известия» и «Независимая газета» — и массовых, таблоидов — «Комсомольская правда» и «Аргументы и факты»: статьи А. Самариной «Национальная гангрена», А. Серенко «Самоподрыв отвлекающего характера» и «Черные вдовы добрались до Волгограда», Д. Евстифеева «В Дагестане разыскивают девять русских ваххабитов», А. Савичевой «63 процента россиян не чувствуют себя в безопасности после терактов в Волгограде», А. Морылевой «После терактов в Волгограде корреспонденты КП пытались без паспортов попасть в гостиницу», А. Гарбузняк «Пиар на крови. Зачем террористам из Ирака понадобился Волгоград», И. Караулова «России целенаправленно мстят», О. Звоновой «Беслан: хроника теракта», Е. Слободян «Заложники „Норд-Оста“», Ю. Сенаторова «„Норд-Ост“ захватил банкир», А. Селиванова и А. Родкиной «Врачи спасают раненых во время теракта в Каспийске десантников», А. Рябушева «Черное эхо Каспийска», И. Булатовой «Вся страна — один Волгоград?».

Первая из этих тенденций — отказ печатных СМИ от моратория на откровенный анализ имеющихся в России национально-этнических противоречий. Если до волгоградских терактов газеты и журналы толерантно предпочитали препарировать происходящее в плоскости противостояния «террористическое подполье — государство», а самих террористов старались безотносительно к этносу и конфессиональной принадлежности называть «смертниками», «боевиками», «экстремистами», в крайнем случае «исламскими радикалами» (отделяя от ислама как от религии), то теперь активно пишут о религиозно-этнической подоплеке преступлений. Рассмотрим, например, наименование террористов, осуществивших

теракт в Беслане, Каспийске и московском театре на Дубровке: *в школе находились 17 террористов; боевики отказались от еды и одежды; террористы в масках, одетые в темные одежды и бронешилеты; дело рук международных террористов; ворвалась вооруженная группа бандитов; личности всех 42 террористов, участвовавших в захвате театрального центра на Дубровке; взрыв мог быть организован по заданию полевого командира.*

Корреспонденты, работавшие в Волгограде, уже не обременены заданием писать в концепции «Террор не имеет национальности». Отныне террористические акты тесно увязываются в журналистском дискурсе с проблематикой межнациональных отношений: *обострение межрелигиозной и межнациональной ситуации; все погибшие являются русскими и православными; молельную комнату оборудовал на первом этаже жилого дома уроженец Узбекистана; шахидка, уроженка Дагестана; ищите русско-го, на кавказца не оформлю; дагестанская бандгруппа; Внешность у меня откровенно славянская, максимум скандинавская и это только играло мне на руку — на террориста я никак не смахивал.* Таким образом, СМИ «типизируют» террористов и акцентируют внимание читателей на том, что носители идеологии терроризма — это, как правило, кавказцы, мусульмане, а жертвы обычно русские, православные.

Нельзя не обратить внимание также на весьма симптоматичный нюанс, ранее в публикациях встречавшийся крайне редко, — пресса отмечает рост среди террористов количества представителей славянских народов: *бандформирования стали активнее использовать террористов славянской внешности; русских ваххабитов; ваххабиты вербуют в русских городах невротиков, легко внушаемых или психически неустойчивых людей; хотя „красноярский ваххабит“ Соколов — организатор взрыва в волгоградском автобусе в октябре прошлого года, внешне был самым, что ни есть, русским человеком; Так появились „русские ваххабиты“, и их роль в подполье, кажется, постоянно растет.* Говоря об этнических русских, принимающих участие в организации террористических актов, авторы материалов, возможно, исходят из побуждений справедливости, желая показать, что терроризм не имеет национальности. Однако на деле эффект получается прямо противоположный, ибо террор все равно ассоциируется в таком случае с исламом, который приняли ставшие смертниками граждане. То есть концепция «Террор не имеет нацио-

нальности» постепенно сменяется другой концепцией — «Терроризм не имеет национальности, но имеет религию».

Вторая очевидная тенденция — признание неэффективности действий силовых структур и государства в целом в борьбе с организаторами терактов, констатация незащитности населения перед террористами. При освещении терактов более раннего времени такой констатации не было, состоявшееся представлялось как ошибка правоохранительных органов, присутствовал определенный оптимизм относительно того, что с террором удастся в скором времени покончить: *обещал Джариад и другим оставшимся в живых найти организаторов и исполнителей теракта; теракт в Каспийске стал возможен из-за халатности сотрудников правоохранительных органов; в рядах сотрудников правоохранительных органов имеются предатели.*

В ситуации с волгоградскими терактами журналисты высказывают свою точку зрения гораздо более категорично и однозначно: *взрыв в волгоградском автобусе показал, что надежной системы общественной безопасности в регионе не существует; не смогли предотвратить трагедию; 63 % опрошенных говорят о неспособности властей гарантировать их безопасность; МВД демонстрирует чудесную, абсолютную толерантность; Сегодняшний террор — прежде всего абсолютно уголовная система вымогательства, торговли наркотиками, нарушения экстремистских законов, нарушения паспортного режима и т. д. и т. п.*

Журналисты, как мы можем видеть, приходят к выводу о том, что «силовые» органы в их современном виде по определению не способны справиться с терроризмом. Это в принципе отличается от оценок прежних лет, когда газеты выказывали доверие правоохранительным органам в борьбе с терроризмом.

Третья тенденция — радикализация предложений, обсуждаемых в СМИ в качестве методов борьбы с терроризмом. Если, например, теракт в Каспийске «заставил общество вернуться к отложенному два месяца назад вопросу о восстановлении смертной казни в России», «отзвуком теракта могут стать кадровые перестановки в российских силовых ведомствах», а «жесткие кадровые решения не заставят себя ждать», то после терактов в Волгограде СМИ говорят уже о том, что «проблемы терроризма и нелегальной рабочей силы можно решить только хирургическим путем», требуют «отгородить этот регион от России колючей проволокой».

Эта радикализация журналистской позиции отражает растущий радикализм в самом обществе, которое всё больше сомневается в возможности победить терроризм хотя бы в обозримом будущем полицейскими методами и видит спасение только в решительных, граничащих с репрессиями мерах на общегосударственном уровне.

ЛИТЕРАТУРА

1. Варламов А. Современный терроризм и СМИ связаны между собой // Известия. 2011. 18 февр.
2. Доможиров В. И. Эффективность методов теории устрашения в современных средствах массовой информации // Изв. Урал. федер. ун-та. Сер. 1, Проблемы образования, науки и культуры. 2012. № 4 (107).
3. Кара-Мурза С. Г. Манипуляция сознанием. М. : Эксмо-пресс, 2001.
4. Синцов Н. В. Роль СМИ в противодействии идеологии терроризма. Выступление на пресс-конференции в РИА «Новости». Москва, 23 мая 2013 г.
5. Худовекова М. А. Технологии манипулирования в практике террористических интернет-ресурсов // Изв. Урал. гос. ун-та. Сер.1, Проблемы образования, науки и культуры. 2011. № 4 (95).

Статью рекомендует к публикации д-р филол. наук, проф. Н. Б. Руженцева